

Ната Павловна Ефремова

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ ДЕЛУ КОММУНЫ

18 марта 1871 г. синеглазые парижские рабочие стали атакующим классом, они поднялись «штурмовать небо». Это образное выражение К. Маркса раскрывает напряженность их борьбы; оно «показывает, — писал Ж. Дюкло, — как величие их дела, так и несоизмеримость стоявших перед ними грандиозных задач и тех средств, которыми они располагали для их осуществления, учитывая национальные и международные реальности той эпохи, уровень организации коммунаров и их умонастроения, в которых часто обнаруживалась растерянность и политическая наивность»¹.

Пока ЦК Национальной гвардии не проявил себя достаточно решительно как орган новой власти, ряд преданных народу демократов самостоятельно решал, как служить революции. Многие, стремясь запечатлеть летопись революции, взялись за перо. Впервые со времени Второй империи демократические лозунги звучали во Франции совершенно открыто, без иносказаний и недомолвок. Не просто было сразу найти в те дни нужное слово, способное выразить волю и желание парижских рабочих: «Мысль жгла мозг, фразы казались или слишком напыщенными, или недостойными по своей простоте той великой драмы, над которой только что взвился занавес»², — вспоминал Ж. Валлес, впоследствии член Коммуны и известный писатель. Дело заключалось не только в необыкновенности момента. Оказалось трудным найти нужное слово потому, что многим мешали старые взгляды и ошибочные доктрины, под влиянием которых находился ряд коммунаров: прудонисты, бланкисты, неоякобинцы. Мало было просто выступить с открытым сердцем и искренними революционными намерениями на стороне народа. Требовалось раскрыть перед коммунарами верную программу действий.

Такая проблема встала и перед журналистом Огюстом Верморелем, газета которого «L'Ordre» вышла в свет вечером 20 марта. Коммуна сделала его одним из своих глашатаев. Обращаясь к советским читателям своей книги, французский историк-марксист М. Шури писал: «Я был немало удивлен и обрадован, услышав, что ваши историки говорят об Эжене Варлене, о Луизе Мишель и Вермореле как о товарищах, которые им очень близки»³. Действительно, имя Вермореля можно встретить на страницах почти каждой советской книги или очерка по истории Коммуны. Но, как правило, это — за исключением статьи Э. А. Желубовской — сжатые биографические сведения или беглые заметки о его деятельности в правительстве Коммуны и о его газете. Подробнее о взглядах Вермореля говорится в двух крупных трудах, вышедших к 100-летию Коммуны («Парижская Коммуна 1871 года». М. 1970; «История Парижской Коммуны 1871 года». М. 1971). Занимаясь поисками материала о Вермореле, я встретила, однако, и с работой, целиком посвященной непосредственно ему. Речь идет о книге «Дитя Божоле», изданной во Франции в начале нашего века⁴. Ее прислала в СССР Лионская городская библиотека. Как уже отмечалось советскими исследователями в свое время, данная книга носит отпечаток буржуазной ограниченности взглядов ее автора, хотя и ценна своей насыщенностью фактами. Главное же,

¹ «Правда», 17.III.1971.

² Ж. В а л л е с. Инсургент. М. 1960, стр. 171.

³ М. Шури. Коммуна в сердце Парижа. М. 1970, стр. 21.

⁴ J. Vermorel. Un enfant du Beaujolais Aug. Vermorel (1841—1871). P. 1912.

чем мы располагаем, — печатные издания Вермореля и его выступления, зафиксированные в протоколах Парижской Коммуны.

Огюст-Жан-Ворморель родился 22 июня 1841 г. в местечке Туйн-Ле-Шатель (община Денисе, округ Вильфранш, департамент Роны). Через всю жизнь он пронес нежную привязанность к матери, образованной женщине, отдавшей сыну всю свою любовь и все внимание. Он писал ей даже в самые напряженные дни Коммуны: «Мы живем в пекле. Но я чувствую себя хорошо»⁵. Отец Вормореля был учителем. Он хотел дать сыну клерикальное образование. Под его влиянием Огюст быстро пристрастился к занятиям, однако карьера священника его не привлекала. Окончив коллеж, он приехал в Париж, чтобы продолжить занятия в «Школе права» на юридическом факультете.

В столице появился типичный провинциал — застенчивый и впечатлительный юноша, близорукий и худой, в костюме, который висел на нем, как на вешалке. Дикция у него была неважная и от стеснительности становилась еще хуже. Ему тогда минуло 16 лет. Париж того времени жил бурной литературной жизнью, и она вскоре увлекла Вормореля. В 1860 г. читающая публика узнала о нем по книге «Эти дамы» как о ярком и талантливым авторе. Он смело атаковал неприглядные нравы Второй империи. Раздавались голоса, злобно обвинявшие Вормореля в «порнографии». Но в конце концов критика признала, что изображение получилось точным и что автор не грешил против истины. В следующем году вышла в свет новая обличительная книга Вормореля — «Безнадёжная». Однако Ворморель недолго занимался художественным творчеством. Ему казалось, что художественная литература гораздо менее эффективна, чем это требуется для пропаганды социалистических идей. К тому же широкие круги читающей публики больше увлекаются «сказочными» сюжетами в сочинениях Т. Готье и романами «плаща и шпаги» А. Дюма-отца. И Ворморель обратился к изучению истории.

Какие же концепции вдохновляли тогда Вормореля? Знавшие его люди свидетельствовали, что он стремился использовать художественную литературу, чтобы наряду с критикой окружающего мира в привлекательных для читателя образах воплотить социалистические идеи⁶. Во время непродолжительного пребывания в Лионе его убеждения окрепли. Мелкобуржуазный социализм преобладал в то время среди подавляющей массы французских демократов, особенно в прудонистской трактовке. До научного социализма ему было далеко. И не удивительно, что брошюра Вормореля «Социалистическая партия», написанная уже в 1870 г., все еще выдержана в духе прудонизма.

В 60-е годы XIX в. парижане снова начали «прямо-таки штудировать свое недавнее революционное прошлое, чтобы подготовиться к предстоящей новой революционной борьбе»⁷, — писал К. Маркс. Революция 1848 г. и затем переворот 1851 г., поставивший у власти авантюриста Луи-Наполеона, стали объектом пристального внимания Вормореля. Выходят в свет его брошюры «Вампиры» и «Народ на выборах». Они явились плодом не только книжного изучения событий, но и постижения устремлений современных ему политических деятелей. В следующей работе («Деятели 1848 года») он резко выступил против антинародной политики правого крыла буржуазных республиканцев, а в книге «Деятели 1851 года» разоблачал организаторов и руководителей бонапартистского переворота, осуществленного в интересах крупной буржуазии⁸. Последние две работы принесли Ворморелю значительный успех.

С 1861 г. он активно выступает в печати, посвятив себя «самой яростной полемике, которая велась тогда в политической прессе»⁹. Он начал с кратких пассажей в «Progrès du Lyon», «Presse», «La Libération», а в 1866 г. сделал из своей газеты

«Le Courrier français» боевой орган, метавший стрелы в императорский режим и в его деятелей. Но вообще-то свою издательскую деятельность Ворморель начал с выпуска «La Jeune France», одной из первых во Франции молодежных газет. Этот орган имел смелость «высказывать свое суждение». На первый раз это стоило редактору месяца тюремного заключения. В последнем номере газеты Ворморель заверял читателей: «Мы не покинем поля битвы и еще будем выступать в защиту справедливой и возвышенной цели... Мы говорим не «прощайте», а «до свидания»¹⁰. Следующая газета Вормореля, «La Jeunesse», была запрещена на 7-м номере, после чего ему пришлось отбыть два месяца тюремного заключения «за разжигание ненависти и презрения к правительству». Хотя газета писала в основном о литературе и о театре, но и в этих материалах она протестовала против «запрещения пьес, способных внести живую струю», и против того, что со сцены «изгоняли актеров, заменяя их шутами»¹¹.

Система предварительных разрешений на издание, предостережений и приостановок, высокий залог (его следовало внести желающему выпустить газету), штрафы и аресты — все это Вторая империя мобилизовала, чтобы задуть в стране свободы мысли. Но борьба не прекращалась. На деньги, ассигнованные друзьями, Ворморель приобретает газету «Le Courrier français». Одним из ее сотрудников стал и Ж. Валлес. Новая газета была заметным явлением в демократической прессе. Видный участник Парижской Коммуны Б. Малон писал, что «Ворморель одним из первых поднял в «Le Courrier français» знамя социализма»¹². П. Лафарг считал, что эта газета Вормореля являлась во Франции «единственным политическим изданием, где может выступать уважающий себя социалист»; в этой газете Ворморель намеревался, в частности, оказать поддержку I Интернационалу, деятельность которого, как он считал, «совершенно необходима для современного развития»¹³.

В 60-е годы XIX в. Ворморель стал усиленно изучать труды деятелей 1793 г., «истинных классиков демократии», как он их называл. Затем он откомментировал и издал произведения Робеспьера и Дантона; его новая книга выдержала два издания, и Ворморель считал необходимым выпустить и третье издание этих сочинений, которые разошлись и на которые имеется большой спрос. Ворморель восхищался мастерством Марата как журналиста, считая, что для каждого, кто хочет считать себя демократом, знание материалов газеты Марата «L'Ami du Peuple» является насущной потребностью. Не случайно потом, во время Коммуны, одну из своих газет Ворморель также назвал «Друг народа». Гравюра, украшавшая это издание, изображала якобинца, вручающего представителям народа «Республиканский катехизис» и «Декларацию прав человека и гражданина». Впоследствии о Вормореле как о редакторе этой газеты современники скажут, что он тоже был настоящим другом народа, скромным, бескорыстным и мужественным.

В Коммуну Ворморель пришел не из каких-либо «амбициозных побуждений», как пытались доказать некоторые буржуазные историки. Нет, он хотел трудиться, действовать и, если надо, сражаться за народ, ибо во Франции только Коммуна могла тогда воплотить в жизнь дорогие ему социалистические идеалы. Уже 20 марта 1871 г. на парижских бульварах мальчишки-разносчики предлагали новую газету Вормореля «L'Ordre». Внешне она не была чем-либо примечательна: полоса в шесть колонок, набранных крупным шрифтом; статьи и заметки следовали одна за другой, разделяясь зачастую не заголовком, а горизонтальной линией. Газета была рассчитана на то, что ее прочтут всю, не выбирая какой-нибудь один материал. Действительно, в те дни каждая газетная строка наполнялась особым содержанием, и национальные гвардейцы читали газеты вслух от первой и до последней строчки, устроившись прямо у пушечных лафетов.

Но название газеты Вормореля («Порядок») их поначалу настораживало: уж очень часто деятели бывшей империи и правительства, бежавшие в Версаль, любили прозносить это слово. Оно должно было внушать рабочим уважение к существующему положению вещей, умеренность взглядов и устремлений. Однако Ворморель пере-

⁵ Ibid., p. 166.

⁶ F. Moria. Les hommes et les livres contemporains. P. 1868, p. 276. Подробнее об этом периоде его жизни и деятельности см.: Э. А. Желубовская. Огюст Ворморель. «Французский ежегодник, 1970». М. 1972.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 32, стр. 496.

⁸ «Парижская Коммуна 1871 года», стр. 146.

⁹ J. Lagouze. Histoire de la Commune de 1871. P. 1928, pp. 164—165.

¹⁰ «La Jeune France», 19.V.1861.

¹¹ J. Vermorel. Op. cit., p. 11.

¹² B. Malon. La troisième défaite du prolétariat français. P. 1871, p. 140.

¹³ J. Vermorel. Op. cit., pp. 33, 24.

осмыслил значение слова и противопоставлял его официальному толкованию. Для него порядок — это характеристика высокого качества газеты и добросовестность ее редакторов. «Газета будет выходить каждое утро, — писалось в первом ее выпуске, — и редакция делает все возможное, чтобы издание стало хорошо информированным и соответствующим своему названию». Как показал предшествующий опыт журналистской работы Вермореля, он уже умел делать газету интересной, оттеняя события публицистическим пафосом. Один из его современников, Ж. Ларок, говорил, что Верморель был настоящим журналистом. Сотрудничая у него до Парижской Коммуны, сам Ларок в совершенстве освоил способ издания ежедневной газеты¹⁵. Обычно Верморель раздавал десятку сотрудников вырезки из свежей прессы, и они группировали их по темам. Изучая эти импровизированные досье, они составляли обзоры. Затем Верморель приступал к редакции. Часа через два появлялся отчет о событиях, достаточно подробный, причем ясно и точно освещавший события.

Однако в новой, революционной обстановке читатель ждал от газеты не только полноты изложения событий, а их оценки и, главное, вдохновляющей программы действий. Ждали этого прежде всего рабочий и национальный гвардеец. Но газета Вермореля им почти не адресовалась. И в этом заключалась самая существенная его ошибка как пропагандиста идей Коммуны. Газета сосредоточила внимание на разъяснении целей революции только для тех, кто «должен был сделать выбор»: она обращалась к мелкой буржуазии; к буржуа, оставшимся в Париже; к буржуа провинции, на которую активно воздействовала версальская контрреволюционная пропаганда. Газета Вермореля объясняла, что «народ не хочет варварства, что нечего его бояться, а опасаться надо тех, кто запугивает буржуазию народом... У буржуазии нет иного выхода, как объединиться с народом и без различия классов и каст, великих и малых, богатых и бедных, просвещенных и невежественных, сплотить усилия и спасти общее дело»¹⁶. Эта «надклассовость» была характерна для Вермореля как социалиста-утописта. В то же время Верморель напоминал любимое реакционерами слово «порядок» и спрашивал, кто же сейчас является организатором беспорядка? Конечно, правительство, бежавшее в Версаль, ибо оно осложняет обстановку, хочет отомстить революционному Парижу, добиться его изоляции и оспаривает права столицы¹⁷.

Как и многим другим деятелям революции, Верморелю казалось, что завоеванную власть надо еще как-то особым образом узаконить. По их мнению, за народную власть, в ее поддержку должна была выказаться и буржуазия. Пусть на предстоящих выборах в Коммуну она отдаст свои голоса народным представителям; тогда Коммуну как правительство, избранное «по всем правилам», признают и Версаль, и провинция, и любая иностранная держава. И вот началась подготовка к выборам. Перед выборами необходимо было сформулировать избирательную платформу, дав определение свершившейся революции. 21 марта ЦК Национальной гвардии заявил об установлении диктатуры пролетариата, но в то же время официально говорилось о том, что революция является «муниципальной». Некоторые коммунары заблуждались, не видя пролетарского характера революции. Другие колебались: ведь прусские войска стояли под Парижем, а иностранные правительства пристально следили, какой характер примет восстание, и размышляли, не следует ли поддержать бежавших в Версаль? В этих условиях надо было дать революции окрепнуть; поэтому коммунары решили начать с муниципальных преобразований. Верморель в статье «Срочная необходимость» писал: назревшей задачей являются выборы муниципального совета, который один только может навести порядок и обеспечить нормальное положение в городе; «если бы Париж еще во время осады имел муниципальный совет, он избежал бы многих страданий, а в конечном итоге, возможно, избежал бы капитуляции. Но правительство совершенно не помышляло о защите Парижа. Оно предало весь народ»¹⁸. Итак, выборы и еще раз выборы как панацея от всех возможных конфликтов и как залог успеха революции... Вот тогдашняя точка зрения коммунаров, во многом ошибочная.

28 марта на площади перед ратушей разлилось людское море. Парижане пришли приветствовать своих избранников. Они стояли в красных шарфах с серебряной бахромой, взволнованные и счастливые. Трудно было выразить в словах и радость, и переполнявшее их чувство ответственности перед избирателями. Да они и не хотели слов: предстояло доказать делом, что народ не ошибся, посплав их в Коммуну. Они не считали себя непогрешимыми. Пусть избиратели контролируют каждый их шаг, взвешивают любое решение и заявляют Коммуне свое мнение. «Избиратели — наши судьи... Самое логичное и честное средство дать им возможность судить о нас — это гласность»¹⁹, — так говорил Верморель о взаимоотношениях народа и его представителей в Коммуне. В день провозглашения Коммуны Вермореля еще не было в Париже. Он узнал о своем избрании, находясь в Лионе, и не успел на первое заседание Коммуны. Дорога оказалась трудной. В Париж пришлось добираться, минуя многочисленные полицейские посты и сбивая со следа шпииков, шедших буквально по пятам.

Верморель горячо поддержал положенные в основу Коммуны принципы выборности, ответственности перед избирателями и сменяемости избранников народа. Но зачастую этот принцип превращался в догму. Р. Роллан верно называл Коммуну «актом благородного восстания». Однако благородство и честность у многих коммунаров переходили в щепетильность. Желание держать избирателей в курсе всех дел, осуществляемых членами Коммуны, оборачивалось тем, что внимание привлекалось к незначительным вопросам и на страницах газет велась по ним длительная полемика в ущерб серьезным проблемам. Встречалась и другая крайность. Известный член Коммуны и ее публицист П. Груссе прекратил издание своей газеты, дабы реакционеры не упрекнули его за то, что их газеты закрывают, а для революционных имеется полный простор. По каким-то причинам после № 4 «L'Ordre» также перестала выходить. Возможно, сыграли роль финансовые трудности. Личных сбережений Вермореля на издание газеты не хватило, а семья не могла ему помочь: даже дом его матери был заложен. Верморель в письме к ней напоминал, что есть кредиторы, которые могут забыть о своих требованиях только после своей смерти.

После небольшого перерыва Верморель нашел возможность продолжить издание газеты под названием «L'Ami du Peuple». Цель издания вполне определена. «Это даже не газета, — писал он, — это отчет моим согражданам в связи с тем ответственным и грозным мандатом, который они мне вручили, избрав членом Коммуны... Никогда еще не было столь славного времени для избранников народа и никогда еще их миссия не была столь ответственной»²⁰. Второй газете Вермореля удалось сделать больше, чем достигла первая. Она богаче по содержанию, информативнее и гораздо ближе к интересам народа. Этому способствовала и обстановка: впечатляющая, творческая деятельность Коммуны, великая созидательная работа коммунаров. Вместе с тем в газете имелось немало такого, чего явно можно было не касаться.

В романе Л. Кладеля есть такой эпизод. Бойцы Коммуны читают свежую газету и обмениваются впечатлениями. «Хорошенькая история, — говорили они, посмеиваясь и комкая газетный лист, — кажется, что там, на набережной, Пиа сцепился с Верморелем, а Риге и Ферре донимают своих коллег... Чепуха!.. Ничего, все образуется»²¹. Суть полемики, разгоревшейся между Ф. Пиа и О. Верморелем, была проста. Пиа, писатель и журналист, известный до Коммуны обличениями империи и затем правительства «национальной измены», обвинил Вермореля в сотрудничестве с бонапартистами. То же самое утверждал буржуазный журналист А. Рошфор. Только было это еще до провозглашения Коммуны и кончилось тем, что Рошфор публично снял свое обвинение. Впоследствии Б. Малон говорил товарищам: «Я был участником жюри по расследованию конфликта между Рошфором и Верморелем. Я должен совершенно искренне заявить, что никогда не знал, что можно объявить Вермореля агентом Руэра»²². Имеются и другие свидетельства в пользу Вермореля. Когда на заседании Коммуны Пиа повторил старую клевету, Верморель сдержанно ответил: «Я готов, гражданин Пиа, предста-

¹⁵ J. Laroque. 1871. Souvenirs revolutionnaires. P. 1888, p. 12.

¹⁶ «L'Ordre», 21.III.1871.

¹⁷ «L'Ordre», 22.III.1871.

¹⁸ Имелась в виду осада Парижа прусскими войсками во время франко-прусской войны 1870 г. («L'Ordre», 22.III.1871).

¹⁹ «Протоколы заседаний Парижской Коммуны». Т. II. М. 1960, стр. 195.

²⁰ «L'Ami du Peuple», 23.IV.1871.

²¹ Л. Кладелъ. Жак Ратас. М.-Л. 1951, стр. 155—156.

²² «Протоколы...». Т. II, стр. 109. Э. Руэр — член Государственного совета при режиме Второй империи.

вить на Ваше рассмотрение, так же, как я всегда представлял на любое расследование моих противников, мою нравственность честного человека, как и мою нравственность политического деятеля»²³.

Через несколько дней, поскольку Коммуна не проявила интереса к расследованию вздорного выпада со стороны Пиа, Верморель, весьма щепетильный и легкоранимый человек, официально попросил переслать обвинения в комиссию по проверке членов Коммуны. Одновременно он публикует «Ответ Ф. Пиа», затем свое «Досье» и пространное послание к Пиа. Эти материалы появились на страницах «Друга народа». Верморель останавливался на фактах своей биографии и показывал, что все прошедшие годы посвятил борьбе с ненавистным народу режимом. Империи было выгодно скомпрометировать Вермореля, но этот маневр не удался. Штрафы, аресты, тюремные заключения, которым бесконечно подвергался в те годы Верморель, служат лучшим доказательством того, что воля его не была сломлена, а убеждения не изменились. Реабилитируя себя, Верморель анализировал и логику поведения Пиа. Он приводил примеры, которые убеждали, что Верморель имел право сказать, обращаясь к Пиа: «В ходе борьбы Вы стараетесь держаться в стороне, но сразу появляетесь, если можно присоединиться к победившим».

Что же заставило Вермореля так настойчиво доказывать свою невинность? Очевидно, определенное воздействие оказало на него то, что Пиа использовал для обвинения не только трибуну заседаний Коммуны, но и свою газету «Vengeur» («Мститель»). Верморель понимал, что «личная полемика — стыд и позор для общего дела»; он говорил Пиа в присутствии других членов Коммуны: «Мы должны уважать друг друга... Я не люблю поднимать личные споры... Я часто подвергался нападкам во времена империи, часто сидел в тюрьме, но никогда не делал из этого личных вопросов»²⁴. И все-таки Верморель вынужден был вступить в полемику. К этому его побуждало не только подстрекательское поведение Пиа, а и серьезность обвинений, наконец, сложность обстановки, в которой приходилось бороться коммунарам. В те беспокойные дни, когда в Париж пробрались версальские шпионы, когда в самой Коммуне оказывались люди, недостойные ее доверия, каждое обвинение приобретало грозный оттенок. «Я знал Вермореля, — писал известный деятель Коммуны А. Ариу, — но в то время, ввиду распространения в партии революционеров недоверия, я избегал каких-либо контактов с ним... Я убедился, что он был жертвой клеветы, и, посылая его в Коммуну, старался восстановить его репутацию»²⁵.

Репутация Вермореля была действительно восстановлена и уже никогда более, ни при жизни, ни после смерти не подвергалась сомнению. Точно так же навсегда была скомпрометирована личность Пиа. Те, кто прежде высоко ценил его талант и умение писать зажигательные прокламации, потеряли к нему всякое расположение. «Его ссора с Верморелем, резкость, с которой он нападал на своего молодого товарища, отдалили нашего бывшего наставника»²⁶, — вспоминал один из редакторов самой популярной газеты Коммуны «Le Père Duchêne» («Отец Душэн») М. Вильом. Имя противника Вермореля осталось навсегда связанным и с той клеветой, какую Пиа возводил на Генеральный совет Интернационала. Справедливо оправдывая Вермореля и понимая логику его поступков в полемике с Пиа, нельзя, однако, не вспомнить полные горечи слова К. Маркса о том, что Коммуна тратила «слишком много времени на мелочи и личные счеты... Все это не имело бы значения, — писал он членам Коммуны Л. Франкелю и Э. Варлену, — если бы вам удалось наверстать потерянное время»²⁷.

Когда К. Маркс адресовал это письмо в Париж, коммунары разъединили и другие, более серьезные разногласия. Поддавшись жупелу чрезмерной щепетильности, часть коммунаров хотела распространить принцип свободы высказывания на своих классовых врагов. Верморель был на стороне тех, кто признавал это право безоговорочно для всех без исключения. Его обманывала псевдонейтральная позиция ряда буржуазных гает. Ему думалось, что со временем их редакторы поддержат револю-

ционный Париж, а те, кто выступал против, станут хотя бы нейтральными. Многие коммунары надеялись переубедить своих врагов в открытой полемике. Вот Верморель узнал 19 марта, что национальные гвардейцы захватили киоски газет «Figaro» и «Gaulois» и конфисковали их тираж. «Хотелось бы думать, — пишет он на следующий день, — что ЦК, заседающий в ратуше, который только вчера объявил о свободе печати, останется непричастным к этим актам... и даже пошлет национальных гвардейцев, чтобы охранять печатные станки».

Действительно, ЦК Национальной гвардии не отрицал всеобщего характера свободы печати. Он трактовал свободу как «право контролировать и обсуждать действия ЦК при помощи всех средств, которые дает гласность»²⁸. В заявлении ЦК не чувствовалось понимания классового характера печати и обнаруживается то же наивное стремление обрести союзника в лице буржуазии. Что касается Вермореля, то ему трудно было видеть сегодня врага в газетах, которые вчера сражались против империи и даже привлекали к сотрудничеству революционно настроенных журналистов. Верморелю самому довелось печататься в газетах «Presse» и «La Liberté» известного издателя Э. Жирардена. Защищая старую прессу, Верморель забывал о тех, кто стоял у ее кормила. Забыл об этом и Ж. Валлес, выступавший тогда за полную свободу печати. А ведь именно ему в свое время Верморель говорил о Жирардене: «Он берет к себе только таких людей, из которых может сделать лакеев или министров и которые будут отражать его славу... только таких»²⁹.

Не мог Верморель представить себе заранее и того дня, когда, раненный на баррикадах, он будет умирать, истекая кровью, а та самая «Figaro», за которую он хлопотал перед ЦК, потребует от каждого парижанина «быть в своем участке полицейским и доносить без исключения на всех тех, кто принимал участие в восстании», и одобрит самую беспощадную расправу с членами Коммуны. Верморель пытался убедить себя и других, что враждебным выпадам «надо противопоставить право и законность», что следует лишь «моральным превосходством господствовать над врагами», что «революционное правосудие не должно быть простым применением силы». И все это для того, чтобы коммунары не поставили себя на одну доску с версальцами, которые «запрещают революционные газеты, ссылают революционеров в Кайенну и обрекают народ на нищету». А пока Верморель и другие обсуждали принципы свободы печати, 19 апреля в Версале без стеснений и колебаний проголосовали за проект Дюфора, направленный против распространения революционных газет красного Парижа. До самого конца Коммуны позиция Вермореля в этом вопросе оставалась ошибочной. Он продолжал считать, что запрещение враждебных газет малоэффективно, так как они возникают вновь, сменяв только название или место издания, а Тьер в ответ на эти репрессии преследует демократическую прессу провинции, не говоря уже о газетах, выпускаемых Коммуной. Эти и многие другие аргументы приводились Верморелем в защиту неограниченной свободы печати.

Видимо, именно упомянутая позиция, отразившаяся в газете «La Justice», повлияла на решение Коммуны запретить ее дальнейшую публикацию. 18 мая Коммуна обязала авторов и редакцию подписывать все статьи, публикуемые в газетах. Анонимный характер статей в «La Justice» шел вразрез с этим требованием. На одном из заседаний Коммуны Верморель попросил прокурора Коммуны Р. Риго объяснить, почему у ворот Парижа задерживают письма и газеты. Риго отрицал этот факт. А 7 апреля подписи Вермореля значится под постановлением, пресекающим произвольные аресты... Но, какую бы щепетильность ни проявлял Верморель в отношении враждебных газет и их редакторов, было бы неправильно представлять его роль в Коммуне как некоего «умпиротворителя», что не раз делали буржуазные историографы.

Хотя его газеты призывали «не трогать» печать, по другим вопросам — социальным и военным — он выступал очень решительно. На заседании Коммуны Верморель голосует за введение налога на тех, кто бежал из Парижа или уклоняется от военной службы. Он одобряет и разъясняет создание обвинительного жюри: «Коммуна приняла важный декрет. Ее противники не преминули с присущей им яростью наброситься на него. Однако этот декрет отмечен печатью не только великой мудрости и светлого

²³ Там же, стр. 299.

²⁴ Там же, стр. 109.

²⁵ A. Arould. Histoire populaire et parlementaire de la Commune de Paris. Bruxelles, 1878, p. 95.

²⁶ М. Вильом. В дни Коммуны. Л. 1925, стр. 141.

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 33, стр. 189.

²⁸ «Le Journal officiel», 21 III 1871.

²⁹ Ж. Валлес. Инсургент, стр. 38.

ума, но и человеческой гуманностью, доведенной до скрупулезности. Жюри никого не приговаривает. Оно будет разбирать, справедливо ли обвинение. Это только первая юридическая ступень, предшествующая правосудию»³⁰. Верморель возражает тем, кто выступает за отмену одиночного заключения в тюрьмах: «Если вы арестовали кого-либо по политическим соображениям, ясно, что вы арестовали врага. Ну, а если вы упраздните одиночное заключение, как же вы будете искать его сообщников... тогда вести следствие оказалось бы невозможным... Члены Коммуны должны посещать тюрьмы, это будет средством контроля»³¹. Вермореля заботит состояние вооруженных сил Коммуны, и он считает необходимым принять меры, чтобы имеющееся у населения оружие было сдано и использовано для вооружения новых батальонов Национальной гвардии.

Решения, которые принимает Коммуна, не всегда вызывают у него удовлетворение. Но Верморель считает, что обязан разделить ответственность со всеми членами Коммуны за любое ее действие. Характерна его позиция при организации Комитета общественного спасения. При голосовании по этому вопросу он оказался среди так называемого меньшинства, которое не одобрило создания Комитета. Верморель не верил в действительность Комитета общественного спасения, считая, что это — только название, «а народ слишком долгое время платился за слова». Сомнения в эффективности Комитета действительно имели основания. Стоит упомянуть хотя бы то обстоятельство, что в Комитете не оказалось наиболее авторитетных членов Коммуны. Зато в его состав вошел Пиа, уже достаточно скомпрометировавший себя в глазах коммунаров. Из 37 человек, голосовавших за Комитет, резко против Пиа высказались 13.

Однако Верморель не хотел, чтобы его позиция ослабила Коммуну. Он решил проверить правильность своего мнения и 6 мая пришел на собрание избирателей, состоявшееся в 18-м округе Парижа. У нас нет материалов для подробного воссоздания хода встречи. Однако известно, что Верморель не получил одобрения коммунаров. Рядовых граждан и бойцов встревожил раскол правительства на «большинство» и «меньшинство». Тем более, что через неделю после создания Комитета стало очевидным, что он не оправдал возлагавшихся на него надежд. «Большинство» признало, что состав Комитета необходимо обновить, и через некоторое время совместные заседания его с «меньшинством» возобновились. Возможно, что единство в Коммуне восстановилось бы и раньше, но представители «большинства», вошедшие в новый состав Комитета, начали смещать членов «меньшинства» с занимаемых ими постов. Те, кто был в «меньшинстве», решили, что в такой обстановке им следует вернуться в округа и заняться работой на местах, от которой их никто не освобождал. Вермореля отстранили с поста члена Комиссии общественной безопасности. Но это обстоятельство не оттолкнуло его от Коммуны. Да и коммунары не перестали доверять ему и привлекать к решению важных и ответственных дел. Так, Верморелю дали, в частности, поручение — участвовать в разбирательстве дела генерала Кюзере, арестованного после падения форта Исси.

Верморель остался в Коммуне ради того, чтобы работать для тех, кто верил в Коммуну. И Коммуна оправдывала веру парижан, которые своим трудом зарабатывали хлеб и защищали ее с оружием в руках. Она отсрочила плату за квартиры, потому что у бедняков скопилось большая задолженность и домовладельцы грозили им выселением; приостановила продажу вещей из ломбардов; уничтожила высокие оклады чиновников и пыталась покончить с бюрократией; ввела выплату пособий раненым национальным гвардейцам и пенсий семьям погибших защитников Коммуны; декретировала передачу рабочим мастерских, владельцы которых бежали из Парижа. Но предстояло сделать значительно больше. «Необходимо принять решительные меры... чтобы передать руки работников богатства, остающиеся неизрасходованными или получающие губительное употребление вместо того, чтобы послужить подъему благосостояния всего общества», — заявлял Верморель. И далее: «Эта революция осыпает появление пролетариата на политической арене. Кто не работает, тот не имеет права жить»³². Верморель одобрял все, что могло содействовать облегчению труда и материальному благопо-

лучию трудящихся. Он голосует за декрет об упразднении судебных чиновников, ибо эти функции отныне будут выполняться бесплатно для народа. Редактор газеты «Le Journal officiel» Ш. Лонге предлагал «хорошенько разъяснить» этот декрет, и Верморель поддержал его: «Нельзя дать ему пройти незамеченным... Я думаю, хорошо бы предпослать этому декрету какую-то мотивировку... Я хотел бы, чтобы этот декрет, первый действительно революционный декрет, получил такую огласку, которой он заслуживает. Те, чьи интересы этот декрет задевает, поднимут громкий крик, а для нас он пройдет, так сказать, незамеченным»³³. Предложение одобрили и приняли.

20 апреля исполнительная комиссия «по справедливому предложению рабочих-пекарей» вынесла решение об отмене ночного труда в пекарнях. Рабочие настойчиво, но безуспешно пытались добиться этого закона от «правительства национальной обороны», которое не решалось затронуть интересы владельцев. Декрет, принятый Коммуной, хозяева булочных начали саботировать, и Верморель призывал сломить их сопротивление. «Меня не удивляет, — говорил он на очередном заседании, — что хозяева возражают. Так будет всякий раз, как только мы коснемся какой-либо из привилегий, поэтому нам не следует беспокоиться об этом... Было бы противно всем требованиям справедливости и всем требованиям права оставлять в отрыве от общества важный класс трудящихся во имя выгоды аристократии желудка»³⁴. Отмену ночного труда пекарей Ф. Энгельс называл в числе тех замечательных мероприятий Коммуны, которые «соответствуют вовсе не духу Прудона, а духу... научного социализма»³⁵. Это требование, удовлетворенное Коммуной, французский рабочий класс снова повторил затем в 1909 г., когда, предлагая проект, аналогичный декрету Коммуны, депутат от департамента Роны Ж. Годар напомнил палате депутатов, что Коммуна осуществила такое мероприятие в самые сжатые сроки и что оно было проведено благодаря таким людям, как Верморель³⁶.

Коммуна жаждала целиком и полностью отдаться строительству нового общества, обеспечив простор рабочим рукам и возвеличив труд «Мы повесим ружья и вернемся к своему ремеслу, счастливые тем, что исполнили свой долг», — писала центральная газета Коммуны «Le Journal officiel», обращаясь к революционным массам Монмартра. В числе составителей этого воззвания был и Верморель. Эти слова звучали как зов сердца и как великая надежда. Но коммунары все больше понимали, что путь к мирному труду лежит через вооруженную борьбу с реакцией «Надо победить, и как можно скорее!» — говорилось в том же обращении. Оно было написано 20 апреля. Месяцем ранее положение дел представлялось Верморелю в ином свете. В марте он надеялся на мирное урегулирование конфликта с Версалем и на возможность с помощью выборов отвести угрозу гражданской войны. «Мы основали эту газету с целью вмешаться, чтобы избежать гражданской войны»³⁷ — писал тогда Верморель.

В немедленном наступлении на Версаль был залог победы Коммуны. Однако, как и многие другие коммунары, Верморель занял оборонительную позицию. Он обвинял правительство Тьера в попытках спровоцировать Париж на вооруженное столкновение; он обличал версальскую ассамблею, в которой звучали голоса желавших «вергнуть Париж в гражданскую войну», тогда как «самая лучшая битва — битва у избирательных урн»; если парижане от нее откажутся, то реакция «устроит сражение на улицах Парижа; тогда трупы восставших смешаются с трупами ни в чем не повинных»³⁸. В материалах, опубликованных газетой Вермореля, звучит страстное желание избежать гражданской войны, но все же не чувствуется уверенности в том, что ее действительно можно предотвратить. И не удивительно: ведь даже в марте агрессивные намерения Версаля были очевидными.

Версаль атаковал Париж в апреле, начав готовиться к решающему штурму революционной цитадели. Обычно немногословный и предпочитавший высказываться именно в газете, Верморель на заседании 20 апреля произносит взволнованную речь, в которой призывает каждого избранника Коммуны предъявить к себе самые высокие тре-

³³ «Протоколы...». Т. I, стр. 313.

³⁴ Там же, стр. 408.

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. Т. 13, стр. 262.

³⁶ J. Vermorel. Op. cit., p. 130.

³⁷ «L'Ordre», 23.III.1871.

³⁸ «L'Ordre», 22.III.1871.

³⁰ «L'Ami du Peuple», 29.IV.1871.

³¹ «Протоколы...». Т. I. М. 1959, стр. 332.

³² «L'Ami du Peuple», 24.IV.1871.

бования и мобилизовать всю энергию ради спасения общего дела: «Если не произойдет нападения завтра, то оно может случиться через два дня, через четыре, шесть, восемь дней, и нужно быть готовыми к нему. Следует признаться, до сих пор мы не понимали того, что опасность находится у наших дверей... Такой сон чреват опасностями. Граждане, при падении каждой власти повторялось одно банальное выражение, которое и мы можем произнести: «Мы спим на вулкане». Так пробудимся же!»³⁹. Все более пристальное внимание Коммуна уделяла военному положению. Оно внушало мало оптимизма. Еще 29 марта Верморель сказал Г. Лефрансэ запомнившиеся тому слова: «Мы, возможно, все погибнем, я это знаю... Отчетливее, чем вы и другие, я понимаю, что у нас мало надежд на успех при этих ужасных обстоятельствах, которые нам навязали»⁴⁰. Верморель тогда только что вернулся из Лиона и знал, что парижанам не приходилось более рассчитывать на поддержку провинции: Коммуна в Лионе пала 25 марта; 27 марта была подавлена Коммуна в Крезе; 28 марта потерпели поражение коммунары Сент-Этьенна.

Как раз в день торжественного провозглашения Коммуны Тьер добился разрешения у прусского правительства на увеличение вдвое численности версальской армии, и началась репатриация из Германии французских военнопленных. В Версале из них готовили будущих палачей Коммуны. Реальность печальной перспективы отпугнула от революции часть коммунаров. В этих обстоятельствах Верморель проявил завидную стойкость. «Очень легко, — говорил он, — прикрываясь пессимизмом, скрестить руки и остаться наблюдателем. Проблема поставлена, условия для ее осуществления тяжелые, но нужно по крайней мере попытаться ее решить»⁴¹. Коммуна была озабочена и тем, чтобы остановить расправу с национальными гвардейцами, оказавшимися в версальском плену. Действенным средством мог бы стать декрет о заложниках: в ответ на расстрел каждого коммунара — казнь арестованных за сообщничество с Версалем. Отказываясь об этом декрете, Верморель обращал внимание на то, что «надо точнее бить в цель... У членов Национального собрания есть в Париже родственники, друзья; вот настоящие заложники». Верморель считал также, что нельзя ограничивать арестом «служителей культа», чем был склонен увлекаться член Комиссии общественной безопасности Р. Риго. И Риго согласился с Верморелем: «Будут использованы все возможности, чтобы взять таких заложников». Этот пример еще раз подтверждает, что деятели прудонисты нередко солидаризировались с бланкистами и по многим важным для Коммуны вопросам выступали совместно.

В принципе Верморель слыл едва ли не самым сдержанным членом Коммуны. Многим казалось, что он не способен на рискованные или отчаянные поступки, и уж никто ранее не считал его героем. Но 9 апреля он вместе с двумя батальонами Национальной гвардии под командованием Я. Домбровского совершил бросок на версальские позиции в районе Аньера. Они атаковали врага настолько неожиданно, что им удалось захватить пушки, несколько блиндированных вагонов и отбросить противника. Эта атака явилась частью крупной наступательной операции, задуманной Домбровским, талантливым генералом Коммуны.

В записках буржуазных свидетелей проблема трансформации взглядов Вермореля и развития его личности не раз поднималась банальными утверждением, что в Вермореле были две натуры: одна — мечтательная, подверженная оригинальным философским концепциям; другая — боевая, вдохновлявшая его на неожиданные решения. Его поступки пытались объяснить непомерным честолюбием и чувствительностью, не исключавшей хладнокровия. Но правда находится выше этих психологических нюансов. Можно ли забывать о том, что Коммуна как эпоха, сконцентрированная в тесных рамках 72 дней, воспитывала героев, делала людей способными на самоотверженность и давала вдохновляющие примеры высокого служения идее? В самые ответственные моменты Верморель мысленно обращался к Л. Ш. Дежюлоу, неустрашимому бойцу, врагу демагогии, чья преданность народной революции была доказана в 1848 г. и не

сломлена затем в тюремных камерах. Современники Вермореля говорили, что «Делеклюз оказал на поступки Вермореля такое же сильное влияние, какое Прудон оказал на его мысли»⁴². Основной же лейтмотив поведения Вермореля состоит в том, что он принадлежал к числу выдающихся членов Коммуны, которые «чутьем» подлинных революционеров глубоко прониклись сознанием необходимости борьбы в любых условиях, даже идя на верную смерть... Как люди, беззаветно преданные своему идеалу, они чувствовали, что будущее принадлежит тем, кто умеет приносить жертвы»⁴³.

Национальная гвардия, защищавшая Коммуну, была полна энтузиазма и храбро сражалась на аванпостах. Но ей не хватало умелого руководства и квалифицированных специалистов. Не удалось организовать четкую доставку боеприпасов и продовольствия, наладить учет и контроль над распределением оружия. Частые реорганизации Национальной гвардии, неоднократная смена руководства, перераспределение функций между ЦК Национальной гвардии и Коммуной зачастую шли на руку врагам революции. Верморель был прав, когда на заседании 4 мая говорил, что «в организации обороны существует полный беспорядок». Это было тем более обидно, что у Коммуны имелось достаточно пушек, митралез и боеприпасов. Но все чаще оказывалось выше сил любого выдающегося деятеля революции и выше совместных усилий всех членов Коммуны исправить угрожающее положение. 29 апреля коммунары отступили от форта Исси. Он имел важное стратегическое значение, так как, овладев им и фортом Вави, версальцы открыли себе путь для решающего штурма Парижа. Узнав о том, что Исси оставлен, Верморель немедленно направился туда с подкреплением. Около 60 орудий крупного калибра обрушивали на форт ураганный огонь. Делегатам Коммуны говорили, что пробраться в Исси невозможно. Но им все же удалось достичь форта. Сообщая членам Коммуны о положении в Исси, Верморель призывал их отказаться от чрезмерного оптимизма⁴⁴. Он напоминал, что очень важно, «чтобы Коммуна следила за получением правильных сведений» с передовой. Ведь Коммуна зачастую оставалась без донесений, без сводок и вообще без каких-либо сообщений относительно военного положения.

В те дни Верморель еще раз предпринял издание газеты. Трудно представить себе, как можно было, выполняя бесчисленные обязанности в избравшем его округе и заседав дважды в день в Коммуне, еще издавать газету! Приходится удивляться не тому, что многие газеты Коммуны насчитывали всего по несколько номеров, а тому, что они вообще могли продержаться хотя бы некоторое время, когда их редакторы были так загружены поручениями Коммуны. Верморель писал в «Друге народа»: «Силы мои не беспредельны. Очень трудно, почти невозможно одновременно с выполнением многочисленных обязанностей, которыми мы перегружены, находить хотя бы час в день, чтобы написать несколько страниц о происходящих событиях... В дальнейшем мое участие в газете будет заключаться в том, что каждые два-три дня я обязуюсь послать «Письма моим читателям»»⁴⁵.

Многие статьи журналистам Коммуны приходилось писать на ходу, жертвуя ради газеты краткими минутами отдыха. Сохранилось свидетельство, что Верморель часто работал над материалами в кафе, устроившись за уголком столика. Коммунары с завидным упорством продолжали свои издания. Обстановка обязывала. Было необходимо оперативно информировать о положении дел, воздавать должное героям, мобилизовать защитников революции на подвиги. В новой газете Вермореля «La Justice» хроника боев занимала особое место и зачастую выделялась особым шрифтом. От каждой газетной строки веяло решимостью бороться за Коммуну до конца. Трудно поверить, вчитываясь в материалы этой газеты, что еще совсем недавно Верморель пытался отогнать такую мысль о неизбежности гражданской войны. В «Корреспонденции из Версала» мы совершенно недвусмысленно говоримось о приговорах реакции к разгрому Парижа. В выдержках из версальской газеты «Le Journal officiel» содержалась открытая угроза парижанам: «Через несколько дней мы будем в Париже. Франция хочет покон-

³⁹ «Протоколы...». Т. I, стр. 224.

⁴⁰ Г. Лефрансэ. Воспоминания коммунара. Л. 1925, стр. 76. Лефрансэ, известный участник Коммуны, был знаком с Верморелем еще во время борьбы против Второй империи и вместе с ним сидел тогда в Венсенском замке.

⁴¹ Там же, стр. 77.

⁴² J. Vermorel Op. cit., p. 131.

⁴³ Н. Молчанов. Герои Коммуны. М. 1971, стр. 297.

⁴⁴ «Протоколы...». Т. II, стр. 9.

⁴⁵ «L'Ami du Peuple», 28.IV.1871

чить с гражданской войной. Она идет, чтобы освободить вас». Газета Вермореля отвечала на эту угрозу: парижане, которые вынесли все ужасы войны и осады столицы немецкими войсками, не испугаются версальских угроз. Напрасно примирители надеются соблазнить Париж обещаниями Тьера, который будто бы сохранил жизнь тем, кто сложил оружие. И все же лучше умереть в бою, чем жить по-старому. «Возможно,— писала газета,— примирители вдохновляются лучшими намерениями. Но они строят себе иллюзии и не замечают, что своими бесполезными попытками компрометируют дело мира и играют на руку господину Тьеру... Тот, кто хочет мира, должен готовиться к сражению... Мира не просят, его завоевывают»⁴⁶.

Газета развивала полемику с буржуазной прессой, полемику боевую, полную иронии и насмешек над тщетными усилиями версальских газетчиков очернить революционный Париж. На одном из заседаний Коммуны Верморель говорил, что необходимо опубликовать материалы, характеризующие антинародность политики, честолюбие и бездарность деятелей, вставших у власти 4 сентября 1870 года. С его предложением согласились, но публикация документов, найденных после побега Тьера, откладывалась. Видимо, все более усложнявшееся положение Коммуны мешало ее членам заняться их разбором. Верморель намеревался подготовить публикацию этих документов в своей газете. И он и многие другие публицисты Коммуны не случайно придавали большое значение разоблачению версальской пропаганды. Такие выступления в печати воспитывали в парижских трудящихся ненависть к реакционерам, крепили их дух в той войне, которую приходилось вести революционному Парижу. Коммуна падет... Но и потом газеты коммунаров будут участвовать в борьбе, предоставляя наследникам Коммуны и ее историкам замечательный материал о вдохновенных свершениях первой пролетарской революции и обличая ее палачей.

В газете Вермореля содержалось немало ценных рекомендаций по обороне, по строительству укреплений и баррикад. Однако воплотить в жизнь многие правильные замыслы уже не оставалось времени. 21 мая через ворота Сен-Клу версальские войска ворвались в Париж. 23 мая Коммуна потеряла своего отважного генерала Я. Домбровский. Он погиб в бою на улице Мира. Рядом с ним сражался Верморель: «Домбровский, бросившись с Верморелем на противника, был смертельно ранен. Вместе с А. Пустовойтовой Верморель перешел в отряд Врублевского»⁴⁷, — писал участник Коммуны Л. Арендт. Известие о смерти Домбровского быстро разнеслось по Парижу и потрясло многих бойцов, которые были несгибаемы под градом пуль и мужественно пережили гибель других товарищей и близких, оставаясь на поле боя, несмотря на раны. Глубоко переживал гибель Домбровского и Верморель. Не избалованный дружбой и в то же время бесконечно ее ценивший, Верморель особенно дорожил дружбой с Домбровским, которая не раз проверялась в бою. Верморель ни минуты не колебался, встав рядом с ним на баррикадах и выполняя самые опасные поручения генерала Коммуны. 23 мая он должен был доставить Домбровскому на Монмартр боеприпасы. Но кольцо версальских войск было таким плотным, что пробраться сквозь него со снарядами не представлялось возможным. И все же Верморель решил попытаться сделать это, ибо его беспокоила мысль, что товарищи, оставшиеся с Домбровским, могли заподозрить его в измене, а главное, нуждались в помощи.

В ночь на 24 мая Верморель воздал последние почести генералу Коммуны. Ему была поручена организация похорон. После прощания в ратуше тело Домбровского доставили на кладбище Пер-Лашез. «Вот лежит тот, кому кто-то не доверял. А он один из первых отдал свою жизнь за Коммуну», — говорил Верморель, обращаясь к собравшимся. — Настанет день, и заря свободы загорится над обеими родинами Ярослава Домбровского — над Польшей, которая его родила, и над Францией, которая его полюбила. Поклянемся же, граждане Парижа, над телом нашего героя, что мы будем драться до победы или умрем на этих баррикадах!»⁴⁸. При свете факелов, под грохот пушек, над красным знаменем, которым было обернуто тело Домбровского, вдохновенные слова Вермореля прозвучали общей клятвой коммунаров, принесенной на верность революции. В те дни кровавой майской недели, когда исход битвы был уже

предрешен и неминуемая расправа с побежденными не вызывала сомнений, у оставшихся в живых еще имелся выбор: либо покинуть поле битвы и укрыться в надежном месте, либо сражаться до последнего патрона, до последнего вздоха. Верморель предпочел остаться. Он отклонил предложение о побеге, хотя можно было бежать за границу и переждать там, пока все успокоится. Он не захотел покинуть Париж, ведший последнюю битву с Версалем.

Не раз разносился слух о гибели Вермореля. Но 25 мая его видели на бульваре Вольтера. Около 4 часов дня он вышел из мэрии 11-го округа вместе с членами Коммуны А. Тейсом и О. Авриалем. Только что закончилась ее заседание. Эту последнюю встречу участников Коммуны лишь условно можно назвать заседанием. Вместе с представителями ЦК Национальной гвардии собралось всего 22 человека. В те трагические часы они были озабочены не своей личной судьбой, а ответственностью за тех, кто верит Коммуне и умирает за нее на баррикадах. Спасти их могло лишь перемирие. Каждый чувствовал, как оскорбительно было адресоваться с этой просьбой к врагу. И все же в интересах рядовых защитников Коммуны члены ее правительства решили переговорить с немецким командованием, чтобы добиться прекращения огня от версальской армии. Вместе с Делеклюзом, Э. Вайяном и Ж. Арьольдом Верморель отправился на переговоры. Но часовые Национальной гвардии их остановили: парижане считали, что лучше умереть за свободу, чем просить милости у победителей.

Делегаты Коммуны возвратились в мэрию. Затем Тейс, Авриаль и Верморель выходят снова и направляются на баррикаду в сторону площади Шато д'О, где развернулось яростное сражение с превосходящими силами версальцев. Чем меньше оставалось коммунаров, тем более возрастало их сопротивление. На углу улицы Амелё и бульвара Вольтера Верморель увидел баррикаду, которую уже некому было защищать. Шагах в десяти от нее появился в форме полковника коммунар Лисбонн. Он двинулся с трудом, хромая и сгибаясь. «Лисбонн, Лисбонн ранен!» — крикнул Верморель, бросаясь ему на помощь. Но в этот момент версальская пуля настигла его. Он покачнувшись, поблел, схватился за руку Авриала. Друзья поддерживали его, им удалось достать матрац. На нем Вермореля понесли в мэрию округа. В это время из мэрии вышел Делеклюз. «Не ходите туда, — предупредили его, — баррикада оставлена». «Я не боюсь смерти, — спокойно ответил Делеклюз. — Вы молоды, а моя жизнь кончена». Через несколько минут Делеклюза не стало.

Вермореля положили на стол в зале мэрии. Вошел Т. Ферре. Он занимал в Коммуне ответственные посты: был заместителем прокурора Рюго и делегатом Комиссии общественной безопасности. Позиции его и Вермореля оказывались часто диаметрально противоположными. Так, Ферре решительно выступал за запрещение враждебных газет, голосовал за создание Комитета общественного спасения и за другие кардинальные мероприятия. 24 мая он руководил расстрелом нескольких заложников, в числе которых находились и архиепископ Парижа, и в мэрии 11-го округа составлялся протокол об исполнении справедливого приговора народа. Однако теперь это не могло уже пресечь террор версальских палачей. Верморель, услышав о казни, произнес: «У нас все равно нет ни одного шанса остановить кровопролитие... Все уже кончено». Услышав голос Вермореля, Ферре подошел к раненому и взял его пылавшие жаром руки. «Это вы, Ферре? — тихо произнес Верморель. — Видите, дорогой гражданин, «меньшинство» тоже умеет умирать за Коммуну»⁴⁹.

Бой шли рядом с мэрией, оставляя там Вермореля было опасно. Его укрыли в надежном месте, где уже находился О. де Пэн, сотрудник газеты Груссе, делегат Коммуны по внешним сношениям. Сохранилось упоминание, что Вермореля принял пастор Безьер, у которого будто бы укрывался также Б. Малон. Но версальцы обнаружили убежище. Вермореля под конвоем отправили в Версаль. В поезде его случайно встретил Ф. Морэн, литератор, с которым Верморель познакомился в начале своей журналистской деятельности. Морэн рассказывал потом, что Верморель был совершенно обессилен. Состояние его настолько ухудшилось, что конвоиры предпочли сдать его в госпиталь. То, как мужественно держался Верморель, впечатлило даже людей, не симпатизировавших Коммуне. «Во время жестоких страданий Верморель был вос-

⁴⁶ «La Justice», 10.V.1871.

⁴⁷ Л. А р е н д т. Дни Коммуны. М. 1929, стр. 29.

⁴⁸ Л. С л а в и н. За нашу и вашу свободу. М. 1968, стр. 345.

⁴⁹ J. Vermorel. Op. cit., p. 161.

хитительно стоек. Он сказал хирургу, что предпочитает, чтобы его не лечили, а дали возможность умереть спокойно. Когда боль на некоторое время отступала, он думал о судьбе товарищей и пытался узнать у врача имена погибших. Спросил он и о Пиа. Ему ответили жестом, означавшим, что знаменитый полемист скрылся. «Тот, кто зовет вперед, а потом убегает,— трус и опасный человек»,— едва слышно произнес Верморель⁵⁰.

В справке, которую выдали матери Вермореля в госпитале, значилось, что ее сын умер 20 июня 1871 г., в 1 час 45 минут. Смерть последовала в результате гангрены. 22 июня ему исполнилось бы 30 лет. 24 июня газета «Le Journal de Villefranche» писала, что утром гроб с телом Вермореля будет переправлен в Денисе, где живут его родственники, а в 5 часов вечера состоятся похороны...

Франция потеряла тогда около 100 тыс. своих лучших сынов и дочерей. Коммуна пала, но опыт ее, имевший такую высокую «себестоимость», стал залогом будущих побед пролетариата. Недаром Жюль Верн писал тогда, что «добро уже не безоружно, за него сражалась Парижская Коммуна».

⁵⁰ Ibid., p. 173.

Все материалы о Парижской коммуне 1871 года:
мемуары, свидетельства, документы, исследования,
публицистика, поэзия, аудио- и видеоматериалы
<http://istmat.info/node/28030>